

— Откуда люди, оттуда и мы, — отвѣтилъ Иванъ Яковлевичъ.

— Да, подите вотъ! — заговорилъ Лапкинъ: — какіе у насъ язычки; ни съ того, ни съ сего распустили слухъ — и правы...

— Да, но тутъ замѣшано имя вашей дочери, а вступить за честь ея кому бы кажется, какъ не отцу!

— Но развѣ можно что сдѣлать со сплетней?

— Въ настоящемъ случаѣ не только можно, но должно.

— Научи: какъ и чѣмъ?

— Стоитъ только объявить, что Александра Васильевна еще въ іюлѣ мѣсяцѣ помолвлена за моего сына, и — только! Если это для васъ, по случаю отъѣзда, неудобно — уполномочьте насъ, мы исполнимъ сами.

Лапкинъ завертѣлся на стулѣ.

— То-есть, оно, видите ли что, — заговорилъ онъ, избѣгая нашихъ взглядовъ: — если говорить откровенно, то... было нѣчто похожее; но я, считая это не больше какъ однимъ разговоромъ, не счелъ нужнымъ сообщать о немъ ни своимъ семейнымъ, ни вамъ.

— Можетъ быть, это и хорошо, — сказалъ Иванъ Яковлевичъ: — оглашать подобные поступки не совсѣмъ удобно...

— Какіе поступки, какіе? Укажи ты мнѣ ихъ?

— Ахъ, что вы! — нетерпѣливо воскликнулъ Большаковъ: — очныя ставки что ли производите? — Онъ всталъ съ мѣста и началъ ходить по комнатѣ.

— Иванъ Яковлевичъ! — залепеталъ Лапкинъ: — ей-же-ей! клянусь тебѣ, какъ честный и благородный человекъ! — чтобы мнѣ ни какой радости не видѣть!..

— Нѣтъ ужъ оставьте, — оборвалъ Иванъ Яковлевичъ свою рѣчь и, махнувъ рукой, зашагалъ опять по комнатѣ.

— Вотъ и извольте толковать съ подробнымъ субъектомъ, — обратился ко мнѣ Лапкинъ, разводя руками. — Ну, послушай же, Иванъ Яковлевичъ!.. А ты садь, такъ лучше будетъ для тебя; право, скорѣе успокоишься... Послушай, я полагаю, ты все-таки можешь разсудить, что если бы у насъ съ фонъ-Шульцомъ было что-нибудь серьезное, то я и не обратился бы къ тебѣ за деньгами на приданое?

— Охотно вамъ вѣрю и за деньгами не постою; но съ условіемъ.

— Съ какимъ это?

— Сдѣлаемте обрученіе формальное, по церковному чину.

— Что ты, Иванъ Яковлевичъ, помилуй! Я въ ночь уѣзжаю.

— Ничего не значить. О. Іосифъ теперь у васъ, женихъ и